

А. С. ПУШКИН И БИБЛИОГРАФИЯ*)

Одному своему русскому корреспонденту Ф. Энгельс писал: «Когда мы изучаем... реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Ваш Пушкин уже знал это...»¹.

Эти замечательные слова Ф. Энгельса ярко говорят об исключительной широте пушкинского кругозора. Многогранность пушкинского творчества, широта его умственных интересов, разносторонность его дарования носили характер подлинной энциклопедичности.

А. С. Пушкин, не будучи ни профессионалом-библиографом, ни специалистом-рецензентом, в своей творческой деятельности уделил место этим отраслям книговедения. Начиная с первых лет литературно-критической работы и кончая последними днями своей жизни, он интересовался и занимался библиографией.

Выдающийся русский библиограф В. С. Сопиков указал в свое время, что библиограф должен быть разносторонне образованным и просвещенным человеком, знать книгу и любить ее, быть ориентированным в ряде отраслей человеческого знания. Вот таким и был А. С. Пушкин. Жизнь поэта, его переписка, творческая и журнальная деятельность, наконец, состав его личной библиотеки — отчетливое и убеждающее свидетельство этого.

Творческая деятельность Пушкина в том числе и его библиографические занятия падают на 20—30-е годы прошлого столетия.

Это было время, когда свирепствовала реакция, но ничто не могло задушить ни общественного движения, ни литературы, ни прогрессивной периодики, ни библиографии. Послед-

*) Главы из работы под этим названием.

няя играла видную роль в тогдашней общественной жизни и представлена была, главным образом, в критико-библиографических отделах ряда журналов.

В. Г. Белинский в 1836 г., имея в виду значение библиографии в журналах, писал, что «библиография есть один из важнейших, необходимейших и полезнейших отделов журнала»².

В развитии и совершенствовании журнальной библиографии тридцатых годов определенное место принадлежит А. С. Пушкину. Пушкин, вернувшись после ссылки в столицу, в конце 20-х гг. усиливает борьбу с засильем реакционной булгаринской клики в литературе, о которой А. М. Горький в «Истории русской литературы» говорит: «...в литературе командует тройка оголтелых реакционеров — Греч, Булгарин, Сенковский. ...Нужно помнить, что вся реакционная журналистика того времени находилась в руках доносчика и шпиона Булгарина..., а во главе цензуры стоял жандарм Бенкендорф, мучитель Пушкина...». Естественно, что в это время борьба с монополией «Северной Пчелы», с булгаринской кликой в критике и литературе была боевой задачей журнально-публицистической, общественно-литературной деятельности Пушкина, определявшей направленность и его библиографических интересов, и занятий как в то время, так и позднее.

Борьба Пушкина с реакционным триумvirатом нашла свое выражение в ряде его статей, рецензий, заметок и в первую очередь в статьях «О записках Видока», «Торжество дружбы», «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» и др. и, несомненно, имела большое общественное значение. Большое значение имела также его борьба с дворянским космополитизмом. Пушкин, в творчестве которого отразился национально-патриотический подъем русского народа, вызванный войной 1812 года, которую поэт считал «величайшим событием новейшей истории», бичевал и клеймил безродных «переметчиков». Великий русский национальный поэт гневно писал о «переметчиках»: «для коих: где хорошо, там и родина, для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты...» («Торжество дружбы», 1831 г.).

Пушкин принимал деятельное участие в «Литературной Газете» и выступал в ней со своими статьями и рецензиями, а также позднее издавал журнал «Современник» и руководил в нем библиографическим отделом «Новые Книжки».

Пушкин не примирился до конца жизни с крепостнической действительностью и постоянно был активным сторонником вмешательства литературы в жизнь, ее участия в тогдашней общественной борьбе, борясь за передовую идейность литературы своего времени.

Пушкин считал, что «народность в писателе есть достоинство... Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Уже в это время Пушкин утверждал, что «не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности, литература наша далеко вперед не подвинется», — писал поэт в своей заметке «Д'Аламбер сказал однажды..».

Эти реальные общественные и литературные интересы Пушкина обусловили развитие плодотворной его деятельности в области критики, журнальной работы и библиографии. Во всей этой многогранной деятельности родоначальника русской художественной литературы прекрасно подтвердились замечательные слова В. Белинского, называвшего Пушкина не только выразителем своего времени, эпохи, но и мирообъемлющим гением, а также и глубоко проникновенное определение Горького, что «Пушкин у нас — начало всех начал». В этих действенных общественно-политических и общественно-литературных интересах Пушкина коренилась основа и его библиографических интересов и успешность его библиографической деятельности.

Любовь Пушкина к книге, к чтению сопровождала его с самых ранних детских лет и до последних дней жизни.

Уже самые ранние исследователи жизни и творчества Пушкина (1846. Белинский, 1855. А. Дружинин, 1873. П. Анненков и др.) утверждают, на основании произведений и писем поэта, любовь его к книге.

В день дуэли с Дантесом, 27 января 1837 года, поэт в письме к детской писательнице и переводчице А. Ишимовой, которую Пушкин намеревался пригласить для работы в «Современнике», писал: «...Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!..»*.

Книги из отцовской библиотеки поэта, явившиеся «искрой, внезапно оживившей Пушкина» в детском возрасте, сопутствуют ему на всем протяжении его короткой жизни: книги,

* «Русская история для детей», составленная А. Ишимовой.

чтение — восполняют недостатки лицейского образования, они же стимулируют его первые творческие опыты в области поэзии, драмы, критики; поддерживают и укрепляют поэта, сосланного на юг; расширяют и углубляют образовательный и познавательский кругозор поэта, привлекая его внимание к различным вопросам современной ему жизни и развивая его серьезные интересы к художественной литературе и истории прежде всего.

Как немногие из современников, Пушкин сумел быстро и широко овладеть культурным наследством, что сказалось и в его поэзии, начиная с ранних стихотворений, и в прозе. Произведения поэта — убедительное свидетельство огромной и всесторонней начитанности, показатель универсальности и многогранности умственных его интересов.

Отечественная наука и литература, мировая литература, история, география, политическая экономия, юриспруденция и др. отрасли знания, основные библиографические труды того времени — все это входило в круг читательских интересов Пушкина.

Библиофильскую струю в жизни поэта следует понимать в самом положительном смысле. Пушкин был чужд простому коллекционированию книг, наоборот, он считал, что «чтение — вот лучшее учение», он использовал книги, для того, чтобы стать просвещенным и образованным человеком.

А. Дружинин в своей работе «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений»⁴, говорит о том, что: «Поэт читал много, читал с наслаждением, выписывая запасы книг из Петербурга и нетерпеливо поджидал их прихода... «Он задумывался над прочитанным, делал отметки на страницах, выписывал в особые тетради то, что ему особенно нравилось...»

Письма поэта к Л. С. Пушкину, А. А. Бестужеву, П. А. Вяземскому, К. Ф. Рылееву, А. Дельвигу и др., ряд произведений поэта и материалы работы над ними, состав его личной сохранившейся библиотеки подтверждают справедливость этого.

Однако, Пушкин не стремился обогатить только себя; он, уважая читателя, по образному выражению одного из критиков, «становился в постоянные посредники между читающей публикой и всем тем, что его самого занимало».

В. Сопиков в «Предъюведении» к своему «Опыту российской библиографии» говорит, что «истинный библиограф» должен быть также и любителем книг: «библиофил, любитель

книг, библиограф, библиоман и библиофаф, на сие название, кажется, имеют одинакое право»⁵.

Это замечание основоположника новой русской библиографии вполне применимо к гениальному поэту.

Наличие библиографических интересов, а не только одного библиофильства, у Пушкина иллюстрируется составом, сохранившейся далеко не в полном виде, его личной библиотеки⁷.

П. Анненков в «Материалах о Пушкине» (1873), имея в виду деятельность поэта в Михайловском (1825), отмечает, что «Библиотека его уже росла по часам: каждую почту присылали ему книги из Петербурга. Надо заметить, что Пушкин читал почти всегда с пером в руках: страницы русских альманахов и разных других брошюр были покрыты его заметками, теперь, к сожалению, не существующими»⁶.

В книжном собрании, принадлежавшем поэту, были важнейшие библиографические издания (Бакмейстера, Сопикова, «Росписи» Калайдовича-Строева, Смирдина-Анастасевича). Подбор книг не носил узкого характера по своему содержанию. Художественная литература и история занимают более половины (свыше 800) по количеству книг. Много книг по философии, о путешествиях, по языкознанию. Беднее других представлены книги по естествознанию и медицине и всего около 20 книг по богословию. Универсальность библиотеки Пушкина дополнялась наличием сорока пяти названий периодической печати (журналов и газет) на русском и иностранных языках. Заметки на страницах книг, лаконичные, но существенные, оценки прочитанных книг в письмах, постоянные заботы о пополнении своей библиотеки и, связанный с этим, интерес к другим книжным собраниям (к библиотеке в Тригорском, к библиотеке родственников жены — Загряжских в Яропольце), нашедший свой отклик в письмах к жене,⁸ свидетельствуют, что Пушкин любил свою библиотеку, любил книгу.

* См., Библиографическое описание и каталог библиотеки в работе Б. Модзалевского («Пушкин и его совр.», 1910, вып. IX—X) и исследование Л. Модзалевского. Библиотека Пушкина, новые материалы. «Лит. наследство», 1934, 16—18.

**В 1833 г. Пушкин, между прочим, писал жене: «... Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три...»⁷.

В другом письме к жене, он, сообщая ей свое времяпровождение, замечает, что «вечером ездю в Тригорское, роюсь в старых книгах»⁸.

Поэтическим свидетельством библиографических интересов молодого Пушкина было большое (в 430 строк) послание «Городок», впервые напечатанное в «Российском Музее» в июле 1815 г. В литературном отношении пушкинское послание не является продолжением, а тем более подражанием традиции XVIII века, когда «Послания» писались с обязательным перечнем и характеристикой любимых писателей. У Пушкина в перечне литературных имен, часто скрытых под разными кличками, даны не только любимые (уважаемые) литераторы, но и авторы недостойных величия русской литературы произведений.

Пушкинские клички авторов, оценка их творений предельно лаконичны, резки, образны и убедительны.

В литературно-библиографическом отношении перед нами «Обозрение в стихах» лицеиста Пушкина, любящего читать, много уже прочитавшего из произведений отечественной и мировой литературы:

Один я не скучаю,
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы,
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они- живут...

В данном послании — стихотворном обозрении — Пушкин разбирается в качестве известных ему произведений, умеет их кратко, но существенно характеризовать: он владеет мастерством оценочного критерия и в своих оценках прав и справедлив. (Оценка Вольтера—«Фернейский злой крикун...», Крылова, рукописной литературы и др.).

Существенно то, что он характеризует и оценивает не только произведения, появившиеся в печати, но и рукописную литературу, произведения, которые в печать не попадали. Пушкин отмечает источник получения их и значение в жизни литературы:

Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,

Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил..

* * *

Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чада славы,
Враги парнасских уз!..

Пушкин не только характеризует отдельных литераторов, но отмечает, например, превосходство русских баснописцев над Лафонтеном:

Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя. —
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!..

«Обозрение в стихах» — одно из самых ранних произведений поэта. Несомненно, оно включает авторские имена, известные молодому Пушкину, прочитанные им произведения, но, очевидно, не содержит даже всех известных ему литературных образцов. Это произведение Пушкина ценно тем, что подтверждает любовь поэта к чтению, его начитанность уже в ранние годы жизни, наглядно говорит нам о его литературно-библиографических интересах, оформившихся в это время в интересную и новую форму библиографических материалов, в «Обозрение в стихах».

Библиографические интересы Пушкина явление не эпизодическое, а тем более не случайное. Эти интересы свойственны ему в течение всей жизненной деятельности. Расширяя его творческий диапазон, обогащая общественно-политический и художественный кругозор, они находят свое раскрытие в библиографических занятиях, падающих, главным образом, на конец 20-х годов и на 30-е годы.

Библиографические занятия и их результаты можно проследить по сотрудничеству Пушкина в журналах, в борьбе

за издание своего собственного журнала и по работе в нем, в деятельном подготовительном труде над своими, главным образом, историческими произведениями (накопление материалов, работа в библиотеке, архивах), наконец, в поэтических произведениях.

Полнее всего библиографическая деятельность Пушкина проявилась в «Литературной Газете», издававшейся А. Дельвигом в 1830 году. Предельной высоты и наибольших результатов она достигает в «Современнике» в 1836 г. Пушкин находил время для сотрудничества в журналах, выступая на их страницах не только со своими произведениями в поэзии и прозе, но и с литературно-критическими, полемическими статьями, сатирами, очерками, направленными против отрицательных явлений в литературе и, прежде всего, против болгаринского засилья в литературе. Пушкин считал, что библиографические известия Греча и Булгарина не могут «установить какого-нибудь мнения в публике, не может почестся уложением вкуса...»⁹.

Наряду с этим он писал рецензии, всегда отчетливые в своей направленности и совершенные по стилю и языку. Журнальные работы Пушкина представляют значительный интерес и необходимы при изучении его литературного творчества, для истории нашей критики, журналистики и библиографии.

Журнальное наследие (включая и ряд библиографических работ, опубликованных или предназначенных для опубликования в журналах) составляет более трети всех его сочинений. Значение его признавалось уже некоторыми из современников поэта, так в 1832 г. А. И. Тургенев в присланном Пушкину литературном альбоме сделал надпись: «Пушкину — журналисту». Всестороннее изучение пушкинского многогранного наследия в наше время привело к серьезному изучению и его журнальных работ, как необходимого звена при изучении пушкинского творчества.

Участие Пушкина в некоторых журналах того времени («Сыне Отечества», «Московском Телеграфе») не удовлетворяло его, как не удовлетворяло участие в возникшем в 1835 году, близком ему и его друзьям, «Московском Наблюдателе».

Пушкин стремился еще с 1824 года иметь свой периодический орган, который он мог бы использовать как средство

воздействия на общество, в борьбе с болгаринским триумvirатом и для защиты литературных прав своих и друзей.

Имея в виду характер предполагаемого журнала, Пушкин писал П. Катенину в 1826 г.:

«Вместо альманаха не затеять ли нам журнала... Голос истинной критики необходим у нас...»¹⁰.

В письме к Плетневу (13.1.1831) Пушкин замечает, что: «... в России пишет один Булгарин...» и тут же выражает желание писать еженедельные литературные обозрения, но печалится, что для этого нет нужных условий у него, хотя и заключает эту мысль словами: «Впрочем посмотрим...»¹¹.

Несомненно, что своими обозрениями Пушкин стремился бить и по литературной монополии Булгарина.

Реальный библиографический интерес и забота о будущем библиографическом отделе газеты, которую предполагал издавать Пушкин, выражены в письме к И. В. Киреевскому (11.VII.1832). Поэт, желая взять в газете разбор новых книг, обращается с просьбой к И. В. Киреевскому, брату его и к Языкову: «Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то господь Вас не оставит... Напишите мне несколько слов... касательно предлагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи...»¹².

Мысль о своем журнале и о необходимости дать отпор «щелкоперам» — болгаринскому триумvirату и о невозможности деловых связей с ним встречается в письмах к Н. Языкову (1834 г.) и П. Нащокину (1835 г.).

Но добиться разрешения на издание журнала или газеты Пушкину было нелегко*. Желание издавать журнал или газету в этих условиях перерастало в борьбу за издание прогрессивного журнала. На этот путь и стал Пушкин**.

В борьбе за свой журнал у Пушкина были перерывы, вызванные надеждами на основание «Московского Вестни-

* В письме к Н. Н. Пушкиной (21. IX. 1835) он писал: «... царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу...»¹³.

** В письме к П. А. Вяземскому (3.IX.1831) Пушкин писал: «... Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! Кто нам разрешит журнал? Фон-Фок умер, того и гляди поступит на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третьейкой можно бы нам попробовать, — одна беда: без мод он не пойдет, а с модами стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. — совестно...»¹⁴.

ка» (1827), работой в «Литературной Газете» А. Дельвига (в 1830 г.), но своего намерения поэт не оставляет вплоть до начала издания им «Современника» в 1836 году.

В «Записке», представленной в 1831 г. в III отделение (Бенкендорфу) в связи с хлопотами по разрешению издавать газету «Дневник», в которой должен был быть также и отдел библиографии, Пушкин открыто и смело настаивал на необходимости «для восстановления равновесия в литературе» (имелось в виду монопольное владение периодикой болгаринского триумвирата) иметь независимый от триумвирата журнал. Здесь же Пушкин высказал мысли о праве журналиста-рецензента на мнение о книге и на роль читательской массы в оценке ее:

«Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго как угодно ему... Законом требовать от журналиста благосклонности или даже беспристрастия и нелицеприятия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы и защиты в другом журнале...»¹⁵. В этой «Записке» Пушкин обобщил опыт своей работы в «Литературной Газете» и опыт борьбы газеты с болгаринским засилием в литературе.

Еще в конце 1829 года созрела мысль о новом периодическом органе. Ее разделял, не только добивавшийся в течение нескольких лет своего журнала Пушкин, но и ряд других писателей и критиков, представлявших собою лучшую часть тогдашней русской литературы*.

В период усиления реакционного курса николаевского режима и усилившейся карательной деятельности, особенно гнетущей для периодической печати цензуры и III отделения, утвердилась мысль об издании «Литературной Газеты».

А. С. Пушкин принимал деятельное участие в основании и в работе всех отделов «Литературной Газеты», включая и библиографический. Он стал подлинной «душой газеты».

Тяжесть издания и выпуска газеты ложилась на Пушкина, хотя официальным издателем-редактором и был поэт А. Дельвиг, но он, по верному определению своего двоюродного брата А. И. Дельвига, «менее всего годился в журналисты...»¹⁶.

* Жуковский, Крылов, Баратынский, Плетнев, Дельвиг, Вяземский, Гнедич и др.

При выходе в свет первых номеров газеты Дельвига не было в Петербурге и единственным редактором был Пушкин, которому помогал Сомов. Если к этому добавить, что А. Дельвиг не отличался ни издательскими, ни редакторско-организационными способностями, то существование отделов «Библиографии» и «Смеси» (где тоже помещались библиографические материалы) обязано инициативе и труду А. С. Пушкина.

Пушкин считал, что «Литературная Газета» должна стать полем творческой деятельности для «писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов...». В силу своих возможностей газета придерживалась этого.

«Литературная Газета» своими критическими и особенно полемическими статьями боролась с реакционной группой Булгарина—Греча, боролась за передовую общественную и литературную мысль

Пушкин считал, что в «Литературной Газете» «...отражается русская литература» (из письма к Плетневу). Он печатал в ней свои художественные произведения, и развернул свою критико-библиографическую деятельность. Эти пушкинские материалы важны не только в критико-биографическом отношении, но и в плане развертывания первого этапа библиографической деятельности Пушкина. В первом номере газеты, вышедшем в свет 1 января 1830 года, наряду с отрывками из VIII главы «Евгения Онегина», была напечатана рецензия Пушкина о переводе романа Б. Констана «Адольф», а во втором номере, в отделе «Библиография», появилась первая пушкинская рецензия на перевод Н. Гнедичем «Илиады» Гомера. Вслед за ними последовали рецензии на «Историю русского народа» Н. Полевого, на роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.» и др. Всего Пушкин поместил в газете восемь рецензий, не считая статей и заметок.

Закрытие «Литературной Газеты» было для Пушкина неожиданным и поэтому много подготовлявшихся им материалов (полемических статей, критических очерков, отзывов) осталось нереализованным.

После закрытия «Литературной Газеты» Пушкин проектировал издание своей литературной и политической газеты «Дневник», с возглавляемым им библиографическим отде-

дом. Это желание не осуществилось и только в 1836 г. Пушкин стал издавать «Современник».

«Литературная газета» — орган пушкинской группы писателей и критиков — была первой жертвой правительственного террора. За первой жертвой следовали другие. В 11 следующие годы были запрещены журналы «Европеец», «Московский Телеграф», «Телескоп». Особенно тяжелым для русской прогрессивной мысли и периодики был 1836 год. В этом году было запрещено издавать новые журналы. Издававшиеся журналы отличались своей бесцветностью и владели жалкое существование. Н. Гоголь в этом же году в «Современнике» справедливо заметил, что: «может быть, давно у нас не было так резко заметно отсутствия журнальной деятельности и живого современного движения, как в последние два года...»¹⁷.

Лучшие люди России того времени делали все возможное в этих условиях, чтобы поддержать жизнь прогрессивной, передовой мысли и найти для нее выход в соответствующем «живому современному движению» печатном органе.

В 1835 году Пушкин совместно с В. Одоевским разработали программу ежемесячника «Современный Летописец политики, наук и литературы». Это издание не осуществилось.

Этот ежемесячник должен был стать универсальным журналом-обзором.

В конце 1835 года Пушкин снова обратился через Бенкендорфа с прошением, в котором указывал: «Я желал бы в следующем 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных, исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности... Издание такого «Обозрения» доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые...»¹⁸. Журнал должен был состоять не только из литературных... исторических, ученых статей, но и из разборов произведений и авторов отечественной и иностранной литературы.

В январе 1836 года Пушкину было разрешено издавать журнал с условием, чтобы «сочинение проходило, по установленному порядку, через цензурный комитет».

Цензор Никитенко по этому поводу в своем дневнике (20 янв. 1836 г.) записал: «...Пушкину разрешено издавать журнал, в роде «Эдинбургского трехмесячного обозрения»: он будет называться «Современником». Цензором нового жур-

нала попечитель назначил Крылова, самого трусливого, а, следовательно, и самого строгого из нашей братии...»¹⁹.

Журнал «Современник», сыгравший заметную роль в истории нашей журналистики, а позднее и в движении революционных демократов, как легальный орган передовой общественной мысли, своим возникновением обязан гениальному русскому поэту А. С. Пушкину.

Год начала выхода в свет «Современника» был для его основателя годом насыщенным творческими и научными занятиями и событиями в семейной жизни.

Подготовленные поэтом первые две книги журнала печатались вне личного наблюдения его и только за подготовкой и выходом в свет третьей книги он сам следил и наблюдал, что сказалось и на содержании ее. Можно сказать, что в смысле содержания, разнообразия и характера библиографических работ Пушкина, помещенных в нем — это лучший номер «Современника».

Став издателем журнала, Пушкин, сам находившийся и до этого под сугубым цензурным присмотром, должен был часто иметь общение с цензурным комитетом. Это обстоятельство в еще большей степени раскрыло ему тяжелое положение русской периодической печати, зависимой и угнетаемой разными категориями цензоров:

«...очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается...»²⁰, возмущенно писал поэт Н. Н. Пушкиной в письме от 6 мая 1836 года из Москвы.

Тем с большей любовью относится Пушкин к журнальной деятельности и к своему детищу «Современнику».

В письме к Нащокину поэт писал: «...Второй № «Современника» очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить, и вероятно займусь им деятельно»²¹.

Появление «Современника» приветствовал Белинский. «Современник» есть явление важное и любопытное, — писал Белинский, — сколько по знаменитости имени его издателя, столько и от надежд, возлагаемых на него одною частью публики, и страха, ощущаемого от него другою частью публики...»²².

Пушкин, создавая свой журнал, понимал огромное общественное значение литературы, ее воспитательную роль, силу в деле просвещения. Он хотел лучшими силами тогдаш-

ней литературы и критики (Гоголь, Одоевский, Тютчев, Давыдов, Вяземский) прогннводействовать монополии в литературе агентуры самодержавия — (Булгарина, Греча и Сенковского). Это нашло свое подтверждение в извещении «От редакции», помещенном в т. IV «Современника» за 1836 год: «Современник», по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнений о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной Газеты»...»

Программа «Современника», представленная Пушкиным в СПб цензурный комитет, лаконично намечала, что «Журнал под названием «Современник» выходит каждые три месяца по одному тому», и что «в нем будут помещаться стихотворения всякого рода, повести, статьи о нравах и тому подобное... критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук...»²³.

Несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства (общеполитическое положение страны, цензура, засилье болгаринской клики), журнал сохранил верность видвинутым программой положениям.

На жестокое цензурное угнетение и преследование журнала указал цензор Никитенко, записавший в своем дневнике: «Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова (цензор журнала,—А. Г.) и просил себе другого цензора... Ему назначили Гаевского... Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропускать в печать известия, в роде того, что такой-то король скончался...»²¹.

Начиная с первой книжки, уделялось значительное внимание критико-библиографической части журнала. Так, в первом томе «Современника» напечатаны два разбора (литературного и научного характера) и открыт библиографический отдел — «Новые Книги». Во всех последующих номерах встречаются подобные же материалы. В журнале отводилось также место научным статьям (три статьи Козловского, В. Золотницкого, А. Емичева), мемуарной литературе и путешествиям, что подчеркивало универсальность пушкинского журнала.

В «Современнике» преобладающее место занимали пушкинские произведения и его критико-библиографические статьи. В журнале были напечатаны значительные произведе-

дения Пушкина, а также восемь критических статей. Были напечатаны также предисловия, послесловия, информационные, полемические заметки и девять рецензий. Кроме того, шесть рецензий были предназначены для этого же журнала, но не были напечатаны. Особенно показателен третий том журнала, в котором напечатано три статьи Пушкина и четыре его рецензии*. Пушкин ввел в «Современнике» текущую библиографическую регистрацию книг. Пушкинский журнал был единственным в те времена журналом, который с момента своего возникновения и до конца уделял свои страницы известиям о новых книгах, и тем самым последовательно и систематически реализовал идею о библиографической текущей регистрации книг.

Текущая регистрация новых книг, систематически печатающаяся в «Современнике», обогащалась периодически помещаемыми обзорами, разборами и рецензиями вне отдела «Новые Книги». По своему содержанию библиографические материалы «Современника» подчеркивали направленность журнала, интересы Пушкина, как издателя-редактора, наконец, его интерес к научным материалам (обзор кн. Козловского и статьи по экономике) и историческим вопросам, рецензия на «Ключ» Строева, разбор статьи об «Истории Пугачевского бунта», рецензия «Джон Теннер».

В. Белинский, имея в виду первый том «Современника», заметил, что: «Журнал есть не наука и не ученость, но, так сказать, фактор науки и учености, посредник между наукою и учеными. Как бы ни велика была журнальная статья, но она никогда не изложит полной системы какого-нибудь знания: она может представить только результаты этой системы, чтобы обратить на нее внимание ученых...»

Вот почему такое важное место, такое необходимое условие достоинства и существования журнала составляет критика и библиография, ученая и литературная...»²⁵.

Пушкин, издавая «Современник», привлекая материалы науки и художественной литературы, хотел сделать свой жур-

* Статьи: «Мнение М. Е. Лобанова о дуге словесности», «Зольтер», «Об истории Пугачевского бунта», (разбор статьи); рецензии: «Фракийские элегии, стихотворения В. Теплякова», «Джон Теннер», «Об обязанностях человека» Сильвио Пеллико, «Словарь о святых, прославленных в российской церкви...».

нал «посредником» между актуальной, интересной, полезной мыслью авторов и читающим русским обществом. Еще в 1831 г. в письме к П. А. Плетневу поэт писал: «... Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты!...»²⁶.

С другой стороны, В. Белинский, которому принадлежит честь и первенство создания в послепушкинский период лучшего критико-библиографического отдела в журнале «Современник», высказал в своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» мысль, что «Современник» (его времени) не будет гнаться за полнотой библиографических обзоров «ибо о книгах ничтожных даже отрицательно, по нашему мнению, не стоит труда ни писать, ни читать...»²⁷.

Такого же мнения за десять лет перед этим придерживался и Пушкин, реализуя его в своем «Современнике». «За чем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания?», — спрашивает Пушкин в «Письме к издателю», помещенном в третьем томе журнала²⁸. В послесловии к библиографическому отделу в первом томе также сказано: «Вот книги, вышедшие в продолжении первой четверти сего года. О большей части их мы ничего не говорили, потому что с них решительно ничего нельзя сказать...»²⁹.

В отношении библиографической регистрации, полноты известий о новых книгах, Пушкин, следуя опыту библиографов — своих предшественников, стремящихся к полноте русского репертуара книжной продукции, считал нужным отмечать и отрицательные и пустые по содержанию книги, делая при этом свои выводы о состоянии книжного издательства, о культурном уровне издателей и давая читателям картину состояния книжного рынка его времени.

Стремясь к полноте информации читателей о новых книгах, снабжая некоторые новые издания дополнительными материалами (статьями, обзорами, разборами), помещенными в журнале, Пушкин был убежденным противником «сухих библиографических известий». Еще в 1830 г., в период первоначального развития его библиографической деятельности, связанной с работой в «Литературной Газете», в статье «О литературной критике», он писал: «...Критика в наших журналах... ограничивается сухими библиографическими известиями...»³⁰.

Здесь же он выражал свою неудовлетворенность тем, что произведения нашей литературы «...как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству...».

Спустя некоторое время (в 1831 г.) Пушкин писал П. А. Вяземскому:

«...То, что ты говоришь о Рославлеве, сушая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер-Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть с удовольствием (итого 3 строчки с 1/2)...»³¹.

Здесь Пушкин дает обобщенное, оценочное мнение о характерном рецензировании в журналах и проводит мысль о рецензии, лаконично оценивающей содержание книги.

Наконец, Пушкин еще раз касается интересовавшего его вопроса о содержательности и живости изложения журнального материала в письме к И. И. Киреевскому (1832): «До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостью...»³².

В этом же письме Пушкин по существу дал обзор первых двух книг журнала, издаваемого Киреевским, обратив внимание и на то, что статьей Киреевского о Годунове и о «Наложнице» «дождались мы истинной критики...».

Пушкин придавал существенное значение библиографии в журнале и сам вел отдел «Новые Книги», неустанно заботясь о полноте известий о вновь выходящих книгах, разнообразия его («Общий итог книг», аннотации, рецензии, звездочки). Пушкин издавал журнал и руководил его библиографическим отделом всего один год, а более непосредственно и серьезно имел возможность заняться им, начиная с третьего тома.

Все же и за этот короткий срок Пушкин успел многое сделать для журналистики и литературы.

Имея в виду первый том «Современника», В. Белинский справедливо заметил, что «самые интересные статьи—это «О движении журнальной литературы 1834 и 1835 гг.» и «Новые Книги»: в них видны дух и направление нового журнала...»³³.

Третий том «Современника» убедительно подтверждает эти слова В. Белинского.

Каково же содержание библиографического отдела «Современника» — «Новые Книги» во всех четырех его томах? В порядке текущей библиографической регистрации перечислено 215 названий книг. Такое количество нельзя считать исчерпывающим, но так как большинство книг издавалось в Москве и Петербурге, а они в основном и учитывались отделом, можно говорить о достигнутой в нем известной полноте. Ученные книги распадаются на семнадцать разделов, причем более половины падает на книги художественной литературы и истории, четверть всех книг представляет разные области науки. Из восемнадцати рецензий, помещенных в разных томах журнала, половина написана Пушкиным, восемь — Гоголем, принимавшим участие в первых томах и одна рецензия неизвестного автора. Двадцать восемь книг отмечены звездочкой. Большая часть этих книг падает на историю (13) и литературу (8).

Богат и ценен библиографический опыт в первом томе журнала. Перечисляемые здесь шестьдесят названий книг, вышедших в январе-апреле 1836 года, сопровождаются четырьмя аннотациями и восемью рецензиями, в том числе двумя пушкинскими. Здесь оформляется пушкинский метод рекомендации книги — «звездочка» (их четыре всего). Рекомендательной тенденции не лишены некоторые из помещенных в томе рецензий. Такова концовка рецензии к книге «Полоходные записки Артиллериста с 1812 по 1816 г.»: «...Ее (книгу — А. Г.) прочтут те, которые читают только для развлечения и те, которые из книг извлекают новое богатство для ума...»³⁴.

Здесь же дана сноска, очевидно Гоголем, который заменял отсутствовавшего в этот момент Пушкина, о том, что «Книги, означенные звездочками, будут впоследствии разобраны».

Гоголь, очевидно, не понял роль «звездочек» и использовал черновик списка «Новые Книги», о чем говорит объяснение Пушкина в третьем томе: «... В списке вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными, или которые намерен он был прочитать (предварительно — А. Г.), но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике...»³⁵.

Но самым важным является послесловие, напечатанное в конце отдела первого тома, по всей вероятности, принадлежащее перу Пушкина. В послесловии дан краткий, но содержательный «общий итог книг за первую четверть года». Это —

шаг вперед по сравнению с реализацией идеи текущей библиографической регистрации. «Послесловие» — смелое, направленное против официальной (охранительной) печати, библиографическое обобщение с явно выраженным критическим отношением к тогдашней книжной продукции. «Капитальных и больших Исторических сочинений нет ни в переводах, ни в оригиналах. На Статистику и Экономию одни намеки. Даже в значениях практических, не вторгающихся в быт литературный, заметно то же мелководье», — утверждает автор³⁶.

Так, открыто и правдиво Пушкин-библиограф оценил уровень и содержание книжной печатной продукции царско-самодержавной России Николая I. Пушкин первый применил на практике опыт библиографических обобщений. Этот опыт был закреплен теоретически В. Р. Зотовым, писателем-журналистом и редактором «Литературной Газеты» в 1847—48 гг. в статье: «Очерк библиографии истории русской словесности в 1847 г.»*.

Разнообразный по содержанию второй том журнала, насыщенный критическими материалами, в библиографической части представлен бледно. В отделе «Новые Книги» дан перечень 43 названий книг без аннотаций и рецензий. Большая часть регистрируемых новых книг (22 из 43) принадлежит по своему содержанию к научно-популярным изданиям, а по литературе только три книги достойны внимания: О Ломоносове, комедия «Ревизор» Гоголя и стихотворения Бенедиктова. Из них только о «Ревизоре» есть статья.

Обещание, данное Пушкиным в письме к Нащокину, «заняться деятельно «Современником», сказавшись на третьем томе журнала, вышедшем в начале октября. О разнообразии и ценности материалов этого номера мы имели уже возможность говорить, дополним только, что из 68 названий новых книг девять отмечены звездочками, а критика и библиография представлена семью статьями и рецензиями Пушкина.

Еще больше отмеченных звездочками книг в четвертом томе «Современника»: их одиннадцать из сорока четырех названий. Кроме того, напечатаны две рецензии поэта (на «Записки Дуровой» и «Ключ» П. Строева).

«Звездочки» служили Пушкину приемом библиографической рекомендации. Книги, прорецензированные или аннотированные в отделе «Новые Книги», звездочек не имеют

* «Литературная газета», 1848, № 4 и 6.

Исключение представляет книга С. Шевырева «История поэзии». В перечне новых книг, опубликованных в первом томе, она отмечена звездочкой. Возможно, что Пушкин в момент составления чернового списка новых книг для первого тома, еще не прочитал этой книги, но имел в виду познакомиться с трудом Шевырева и поэтому отметил его звездочкой*. Не отмечена звездочкой (во втором томе) комедия Н. Гоголя «Ревизор». Нельзя допустить мысли, что Пушкин в своей рекомендации прошел бы мимо этого произведения. Еще в своей рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки», опубликованной в отделе «Новые Книги» в 1 томе «Современника», он дал примечание, содержащее явный элемент такой рекомендации: «На днях будет представлена на здешнем театре комедия «Ревизор». Такая рекомендация осуществлена. В том же втором томе напечатана статья П. Вяземского, посвященная этой комедии. Следовательно, потребность в звездочке, естественно, отпала. В перечне книг третьего тома сочинение Пеллико «Мои темницы» отмечено звездочкой и в том же томе есть рецензия Пушкина на другое сочинение этого автора («Об обязанностях человека»), в котором поэт уделил внимание и первой книге, но поскольку «Мои темницы» специально не прорецензированы—они отмечены звездочкой.

Наконец, примечание о «звездочках» дано на первой странице отдела «Новые Книги», в первом томе журнала, и сопровождает книгу М. Погодина «Исторические афоризмы», не имеющую звездочки, но прорецензированную Н. Гоголем. Следовательно, данный прием носит общий, применительно к отделу, характер. Он выделяет в отделе «Новые Книги» известную категорию книг («замечательных» по выражению Пушкина), является формой библиографической рекомендации.

Заботу Пушкина о библиографировании в «Современнике» подтверждает запись, хранящаяся в Онегинском собрании автографов Пушкина. Она составлена еще до выхода в свет первого тома журнала и представляет собой лаконичный и далеко не полностью раскрытый список статей и отзывов, намеченных для опубликования в «Современнике». Эти материалы названы — «Опыты библиографические». В списке двадцать названий, из которых пять отмечены крестиком. Судя по опубликованным материалам (напр., статья о рецен-

* Пушкин написал пространный конспект рецензии на эту книгу.

жи Броневского на «Историю Пугачева», рецензия на «Полодные записки» И. Радожицкого), а также по черновым наброскам (к статье о календаре) можно предположить, что материалы, уже подготовленные или находящиеся в стадии собирания или обработки, отмечались «крестиком». Так зарождалась эта новая форма библиографической рекомендации.

Пушкин создал в своем журнале библиографический отдел. Текущая библиографическая регистрация включала книги по многим отраслям знания. Аннотации и рецензии библиографического отдела, обзоры, предисловия, послесловия и др. были подчинены общей задаче журнала, стремящегося активно воздействовать на общественное мнение.

В результате творческой инициативы и напряженного труда Пушкина и его ближайших сотрудников по журналу, «Современник» оформился как новый тип русского журнала. Обобщая опыт журналов, предшественников «Современника», Пушкин создал боевой, серьезный, универсальный журнал с постоянно действующим библиографическим отделом в нем. Приглашая В. Белинского, Пушкин намеревался, по видимому, перевести журнал на новые рельсы, — придать ему более актуальный, действенный, боевой характер. А. Луначарский писал: «...Что вышло бы из Пушкина как дальнейшего блистательного редактора «Современника», как дальнейшего работника на поприще литературного реализма, исследования новых пластов населения, — гадать трудно. Я продолжаю думать, что, проживи Пушкин более или менее толстовскую, по долговечности, жизнь, он мог бы еще перейти многие мосты, по которым другие, более молодые дворяне шли навстречу дальнейшему развитию революционных сил страны. . .»³⁷.

Опыт издания в течение одного года своего журнала значительно развил журнальную деятельность Пушкина, его критические и библиографические занятия, обогащенные работой над историческими трудами (История Петра Великого, История Пугачева).

На границе перехода к революционно-демократической журналистике оборвался жизненный путь поэта, закончился и журнальный путь его.

Новая редакция «Современника» в первой книге за 1837 г. отметила тяжесть утраты: «Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его, созревши в опытах жизни, раз-

Мышлением и наукою, готовился действовать полною силой, — потеря невозвратная и ничем невознаграждаемая. . .».

После смерти Пушкина «Современник» перешел в ведение П. А. Плетнева, человека чуждого новым веяниям жизни. Библиографический отдел, потеряв в лице Пушкина своего основателя и руководителя, деградировал, превращаясь в носителя «сухих библиографических известий», против которых так боролся Пушкин. Понадобилось десять лет, чтобы с переходом журнала к Белинскому и Некрасову он оживился и стал органом прогрессивной действенной мысли, а библиографический отдел — одним из лучших отделов тогдашней периодики.

В заключение раздела нашей работы, раскрывающей библиографическую деятельность Пушкина в «Современнике», хотелось бы отметить, что редко кто из писавших о поэте не касался его работы в «Современнике». Об этом читаем мы, начиная с ценных работ В. Белинского и первой, обогащенной богатым для своего времени фактическим материалом, биографии П. Анненкова и вплоть до последних биографических трудов наших советских исследователей Н. Бродского и Л. Гроссмана. Несколько статей, специально посвящены пушкинскому «Современнику» (В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов, А. Степанов). Исследование шло по линии изучения самого журнала и роли его в истории нашей журналистики. Издательская и редакторская деятельность Пушкина до сих пор не изучена, есть только некоторые фрагменты к ее изучению. Тем более вне объекта исследовательских интересов была библиографическая деятельность Пушкина вообще, а работа, связанная с журналом «Современник», освещена частично. Своей работой мы делаем попытку поставить этот вопрос и наметить известные пути к его разрешению, оперируя фактическим материалом отдела «Новые Книги» за 1836 г., перепиской поэта, литературой по данному вопросу.

Для более широкого представления о библиографических интересах и занятиях А. С. Пушкина остановимся на библиографических приемах в работе над историческими произведениями и приведем некоторые факты, характеризующие его отношение к библиографии.

В последние годы жизни Пушкин серьезно, вдумчиво и с любовью работает над историей Петра Первого. В связи с этим он занимается в архивах, библиотеках, в том числе и в библиотеке Вольтера; одновременно заканчивает «Историю

Пугачёва». Свои занятия над историческими темами Пушкин сочетает с обращением к библиографии, пользуясь ею, оперирует ее методами (приемами) для накопления нужных для труда материалов, использует с той же целью библиографические списки и каталоги, ведет сам записи, составляет вспомогательный указатель к своему труду о Пугачеве. Во всем этом сказалось, зародившееся еще в начале творческого пути, понимание поэтом роли и значения библиографии и в частности в области исследовательской, научной работы.

В 1831 году в обращении к Николаю Пушкин просил «дозволения заняться историческими изысканиями в наших Государственных архивах и библиотеках» и тут же указывал на свое желание написать историю Петра Первого. Поэт был зачислен в Иностранную коллегию «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого»³⁸.

Пушкин занялся собиранием и изучением материалов, необходимых ему для исторического труда. Естественно, что его заинтересовала, хранящаяся в Эрмитаже, библиотека Вольтера, поскольку в ней были подлинные материалы, которыми пользовался французский писатель-мыслитель в работе над этой же темой. В начале 1832 года в заявлении Бенкендорфу Пушкин, в связи с этим, писал: «осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его Истории Петра Великого...»³⁹.

Судя по письму Бенкендорфа, 29 февраля того же года такое разрешение было дано и поэт приступил к ознакомлению с теми материалами о России Петровской эпохи, которые хранились в богатом семитысячном книжном собрании библиотеки Вольтера.

В своей работе Пушкин пользовался указателем к сочинениям Вольтера и имел при себе записную книжку, в которой сделал точные записи нескольких книг Вольтера, указав их шифр и местонахождение. В литературе высказано предположение, что эти записи — начало какого-то каталога библиотеки Вольтера*.

Интерес, проявляемый Пушкиным к Вольтеру, которого поэт знал хорошо, начинается с «Городка». К нему обратился он и

* Д. Якубович. Пушкин в библиотеке Вольтера, «Литературное наследство», 1934 г., № 16—18.

в последний год жизни, написав статью в связи с выходом в свет в Париже «Неизданной переписки Вольтера с президентом де Броссом». Это дает возможность предположить, что знакомство с личной библиотекой Вольтера вышло за рамки изучения материалов к исторической теме и распространилось на произведения самого Вольтера. Несколько лет ушло у Пушкина на первый подготовительный этап труда о Петре. Накоплен был огромный материал. В. А. Жуковский в примечании к описанию последних минут поэта заметил, что «если напечатать все найденное в рукописях Пушкина, то, конечно, составитя два хороших тома или пять, если присоединить к литературным отрывкам все материалы, приготовленные для Истории Петра Великого». Множество выписок, ссылок — весь черновой материал говорит об исследовательской добросовестности Пушкина, приступавшего к написанию исторического труда. В одном из писем к М. Погодину в 1834 году он, между прочим, писал: «К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре»⁴⁰.

Не только отношение к теме, но и, в известной степени, метод работы над ней раскрыт в дневниковой записи Д. Е. Келлера, посетившего поэта в конце декабря 1836 года: «Александр Сергеевич на вопрос мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть его произведение о Петре, отвечал: «Я до сих пор ничего еще не написал. Занимался единственно собиранием материалов. Хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам...»

Способ работы Пушкина — убедительная иллюстрация широко применяемого им приема описания документов «de visa», приема так необходимого в библиографической работе. Пушкин делал свод только тем летописям, документам, указам, запискам, которые имел в руках, ничего не прибавляя от себя.

Пушкин стремился не только к использованию возможно большего количества документов, как необходимых материалов, но и к исчерпывающему знакомству с литературой данной эпохи — прием, тоже необходимый в библиографической работе.

В письме к М. А. Корфу, написанном за несколько месяцев до смерти, благодаря М. А. Корфа за присланный на девяти листах библиографический список книг о Петре, преимущественно иностранных, Пушкин пишет: «Вчерашняя посылка

твоя мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником... Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна.

Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле — эта новейшая Русская история!..»⁴¹.

Пушкин, невпример многим своим современникам, снабдил свой труд о Пугачеве («История Пугачева») вспомогательным указателем, в котором, в алфавитном порядке, дал личные имена и географические названия, встречающиеся в труде (всего 259 названий).

Вспомогательные указатели, появившиеся в России во второй половине XVII века (в «Оглавлении книг, кто их сложил») и получившие сравнительно широкое применение во второй половине XVIII века (журнал Бакмейстера и др.), в пушкинское время составлялись крайне редко*.

Наличие в сочинении Пушкина такого указателя подчеркивает признание с его стороны необходимости такого вида библиографического указателя, являвшегося в последующее время обязательной частью каждого серьезного труда и издания.

* * *

Есть и другие факты, характеризующие библиографическую деятельность Пушкина.

Так, известный книгопродавец И. Т. Лисенков вспоминает: «Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник»: ему нужно было знать о новых книгах для помещения боевого разбора о них в его журнале...»⁴².

Не менее характерно письмо историка Н. Г. Устрялова к поэту в октябре 1836 года:

«Милостивый государь Александр Сергеевич, Приятнейшим долгом считаю препроводить к вам прилагаемую безделку**. Впрочем как она написана по частному случаю и в продажу не поступит, то благоволите прейти об ней молчанием в Современнике»⁴³.

Пушкин удовлетворил желание автора.

* В выпущенной в 1828 г. Смирдиным «Росписи российским книгам...», составленной В. Анастасевичем (очевидно, это издание и сохранилось в личной библиотеке поэта), было приложено два вспомогательных указателя (авторов, переводчиков и глав). Наличие этого труда сообщило изданию исключительную ценность, а имя составителя было поставлено рядом с В. Сопиковым.

** Имется в виду диссертация на степень доктора философии Устрялова «О системе прагматической Русской истории».

Как известно, в 1835 году в России впервые стал издаваться А. А. Плюшаром «Энциклопедический Словарь»*. В письмах Пушкина и в его дневниковых записях мы находим небезинтересный материал, проливающий свет на отношение его к этому изданию. В число издателей приглашался и Пушкин. В письме к В. Ф. Одоевскому (16/III-1834) он писал: «...Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал... нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г(реча)... Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего посмотримся и и наслышимся — а в воровскую шайку не вступим...»⁴¹.

Новое большое начинание привлекает поэта, но организующая роль Греча, одного из представителей реакционного триумvirата, отталкивает, а отсюда—решение «в воровскую шайку не вступать». На следующий день после литературного совещания у Греча Пушкин записал в дневнике: «Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Конверсационс Лексикона. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей... Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку... Не говорю уже о чести. Охота лезть в смут, где повоюют Булгарин, Полевой и Свищев. — Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовати его примеру...».

Понимая значение издания русского «Энциклопедического Словаря», желая в нем работать, Пушкин, естественно, не мог согласиться работать с Булгариным. Участие Булгарина определяло характер нового издания, и поэтому Пушкин и Одоевский обуславливали свое участие в нем. Еще резче оценку «Лексикону» дал Пушкин в записи «Дневника» за 2 апреля: «...Кн. Одоевский, д-р Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Конверсационс Лексикона. Прочие были обижены нашей оговоркою, но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут, но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет ничто иное, как «Северная Пчела» и «Библиотека для чтения» в новом порядке и объеме...»⁴⁵.

В. Одоевский все же принял участие в Плюшаровском

* Другие названия этого издания: «Энциклопедический Лексикон», «Конверсационс Лексикон». В сохранившейся части личной библиотеки поэта имеются первые четыре тома «Лексикона» 1835 года, частично разрезан IV том (см.: Библиотека А. С. Пушкина, Библиографическое описание Б. Модзалевского, стр. 119, таб. № 131).

«Словаре», но вынужден был через некоторое время отказаться, заявив при этом: «Я соглашусь принять участие в сем деле тогда только, когда состав редакции будет соответствовать достоинству издания».

Считая последние тома* «Лексикона» — «невероятными», он заметил, что они: «в конец убили сие издание, на которое потрачено напрасно столько трудов людьми добросовестными и столько невозвратимой доверенности публики». . .⁴⁶.

Наконец, необходимо остановиться и на взаимоотношениях Пушкина и видного библиографа акад. П. Строева.

П. М. Строев много содействовал разработке и развитию отечественной библиографии. В 1815 году, будучи студентом, он издавал журнал «Современный Наблюдатель Российской Словесности», в котором поместил положительный и подробный разбор «Опыта Российской библиографии» В. Сопикова. Три года спустя двадцатидвухлетний Строев составил «Подробное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке Волоколамского монастыря», которое, по замечанию В. М. Ундольского, было «первым ученым описанием по современным требованиям библиографии», а сам Строев считал его первым опытом своих библиографических трудов.

В 1824 г., сделав предложение Н. М. Карамзину составить Алфавитный указатель («Ключ») к его истории и, получив согласие, П. Строев начал работу над «Ключом». Составленные «Указателя» почти закончил он в 1828 г. Впоследствии, вспоминая свою работу над «Ключом», он писал: «Сей тяжелый, чрезмерно-утомительный труд, сия мелкая, но неоцененно важная критика, сводящая воедино отдельные мнения и суждения историка. . . Сей труд и сия критика едва было не истощили мое терпение в течение трехгодичных непрерывных занятий ими»⁴⁷. («Арх. эксп.», I, 18—20).

Закончив свой труд, Строев познакомил с ним Пушкина, который высоко оценил его в письме к П. Вяземскому (Ш. 1830). «. . . Строев написал *tables des matières* Истории Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать: поговори Блудову и об этом. . .»⁴⁸.

Книга Строева была напечатана в 1836 г. Она, по словам пушкинской рецензии, написанной после ее выхода в свет и помещенной в четвертом томе «Современника», явилась трудом, облегчившим «до невероятной степени изучение Русской истории». Совершенно очевидно, что видный деятель русской

* Издание прекратилось в 1841 г., на 17 томе.

библиографии и историк П. Строев не случайно считал своим долгом познакомить Пушкина со своим капитальным трудом еще до выхода его в свет.

* * *

Пушкин организовывал библиографическую работу (отдел «Новые Книги») и выступал с рецензиями. Сохранились конспекты, наброски его рецензий. Он пользовался библиографическими заметками, ссылками, элементами библиографического комментария, составил вспомогательный указатель имен и географических названий к своей исторической работе о Пугачеве, послуживший основой для разработки в наше время более обстоятельного «Алфавитного указателя», приложенного к девятому тому сочинений поэта в издании Академии Наук СССР.

В лаконичной рецензии на двухтомный библиографический труд «Ключ к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина 2 ч. М.» Пушкин высоко оценил роль вспомогательного указателя — «необходимого дополнения» к историческому труду. «Издав сии два тома, — писал он, — г. Строев оказал более пользы Русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые...»⁴⁹.

Следовательно, в своей библиографической практике Пушкин пользовался несколькими видами библиографии. Основное внимание он уделял информации, отзыву, разбору, оценке, достойных внимания читателя книг и др. печатных произведений. Отсюда его внимание к рецензированию произведений печати.

К пушкинским рецензиям вполне приложимо суждение Ломоносова, резко выступавшего против поверхностной критики «наглых рецензентов», которые судят о книгах, едва зная их заглавия. Ломоносов требовал от рецензента компетентности и добросовестности. «Но кто уже раз беретя за то, должен вполне ознакомиться и противопоставить им действительные возражения и основательные доводы, прежде нежели он присвоит себе право осуждать другого»⁵⁰, — писал Ломоносов в своей «Диссертации о должности журналиста». (1754 г.)

Кроме законченных рецензий, элементы их мы встречаем в ряде произведений поэта.

Имея это в виду и учитывая пушкинскую манеру рецензирования, Киреевский в 1830 году писал отцу: «Большая часть статей в ней («Литературной Газете» А. Г.) будет писана

Пушкиным, который открыл средство в критике в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах...»⁵¹.

В своей статье о литературной критике, помещенной в «Литературной Газете» (1830 год, 1 том, № 3) Пушкин писал: «Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч.»⁵².

Насколько Пушкин был против «сухих библиографических известий» и «общих похвал» покажет анализ его библиографических материалов.

Еще ярче его отрицательные отношения к журнальной критике, которая останавливала свое внимание на произведениях, имеющих лишь мимолетное достоинство, и проходила мимо ряда книг, о которых она могла сказать много поучительного и полезного. В письме поэта к А. Ф. Воейкову (1831 г.) есть такие строки: «Сейчас прозел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня... Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличные его выражений, на дурной тон и пр. Пора, пора нам осмеять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и все это слогом камердинера профессора Тредьяковского».⁵³

В письме к Погодину (1830 г.) по поводу его трагедии «Марфа Посадница» Пушкин писал: «...нашел... Марфу. И прочел ее два раза духом.

...Я все-таки при том же мнении: Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение... Не посылаю вам замечаний (частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания. Покамест скажу Вам, что анти-драматическим показалось мне только одно место... Вот главная критика моя. Остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший понамарь»⁵⁴.

Пришлось привести довольно большую цитату, но она хорошо определяет отношение Пушкина к критико-библиографической работе. В этих строках дана сжатая информацион-

ная оценка произведения. К более подробному разбору «Марфы Посадницы» он вернулся позже.

Пушкинские критико-библиографические статьи отличаются простотой и ясностью изложения. Это же он рекомендовал и другим, например, Киреевскому: «...насилу-то дождались мы истинной критики. Но избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то-есть, перифразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку...» (Из письма к Киреевскому от 4. II. 1832 г.)¹³.

В критических и полемических работах Пушкина мы встречаем разные виды библиографической работы.

Обращаемся к наиболее простому виду пользования библиографией — к библиографической ссылке, которая по А. Г. Фомину служит документальным доказательством подлинности приводимых указаний и облегчением в отыскивании названных материалов для более детального ознакомления, самостоятельной проработки и пр. Нужно заметить, что к библиографической ссылке Пушкин обращался редко и количество их в его критических статьях невелико. К этому роду библиографической работы он прибегает уже в первых своих журнальных статьях¹⁴.

В значительной части этот род библиографии касается периодических изданий и выносится автором в примечания, находящиеся внизу статьи.

В библиографическом обозначении Пушкин не указывает года выхода цитируемого журнала, иногда нет страниц, таким образом, библиографическое обозначение дается сжатым, упрощенным**.

Большей частью ссылки сопровождаются не только цитированием некоторых абзацев, но к ним дается комментарий автора.

Отрицательное отношение Пушкина к подаче «сухих библиографических известий» сказалось и на пользовании им библиографическими ссылками. Так, например, вслед за цитацией источника*** дана краткая положительная оценка работы издателя или такая аннотация к названному источнику: «Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли «Разговор у княгини Халдиной», напеча-

¹³ См. ст 1821 г. — Письмо к издателю «Сына Отечества» в 1825 г. — «О госпоже Сталь и о г. А. М(ухано)ве».

** «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. Крылова», «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой».

*** «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой».

танный в 3-м № «Литературной Газеты», есть сочинение Фон-визина».⁵⁶

В одной библиографической ссылке из статьи «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» для большей ясности трактовки вопроса в статье Греча, вслед за цитируемым источником указываются издатели Греч и Булгарин*.

Наконец, при обращении к иностранному источнику (см. Предисловие к «Песням западных славян»)**, последний цитирован на языке оригинала. Примечание, даваемое в тексте, сопровождается указанием, облегчающим розыск источника: книга вышла в Париже, в конце 1827 г.

Небольшое предисловие к «Песням западных славян» является в то же время библиографической заметкой, поскольку информирует читателя не только о содержании, но, давая выдержку от издателя, раскрывает собирателя (Мериме), сообщает о нем кратенькую характеристику, имеющую информационное значение.

В рассматриваемых библиографических ссылках Пушкин не придерживался каких-либо унифицированных приемов пользования этим видом библиографии. Так, в статье «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов», мы встречаемся с библиографическими ссылками и в тексте и внизу страницы (в последнем случае дело идет о грамматике Греча и указывается даже типография). В некоторых ссылках рядом с источником указываются и страницы цитируемого материала.

Единичны случаи сокращенного названия периодического издания.

Отсутствие твердых приемов пользования этого рода библиографией следует объяснить зачаточным состоянием библиографической теории и небольшим количеством практических справочников библиографического характера, а равно и тем обстоятельством, что Пушкина интересует, главным образом, изложение содержания, а не цитация (библиографически точная и ясная) источников.

Даваемая им упрощенная библиографическая ссылка облегчает нахождение нужного материала, а в некоторых случаях подтверждает мнения и выводы автора.

Указывая на обращение А. С. Пушкина к разным видам библиографической работы, нельзя пройти мимо его крити-

* Библиографическая ссылка у Пушкина: «См. № 27 Сын Отечества, издаваемого гг. Гречем и Булгариным».

** Пушкин — критик, сб., стр. 346. 1934.

ческих заметок на полях книг, статей, сделанных им в 1826 — 1829 и 1836 гг. . . * Они дают не только ряд суждений, мыслей, взглядов, характерных для Пушкина — критика, но они же дают и ряд кратких (иногда выраженных одним — двумя словами) информационных оценок, носящих характер рецензирования. Приведем несколько иллюстраций. В своих заметках на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» против текста автора статьи, где он указывает на заслуги Озерова, сравнивая их с заслугами Карамзина, Пушкин пишет: «Большая разница. Карамзин — великий писатель во всем смысле этого слова, а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг вперед в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего»⁵⁷.

Несколько раз Пушкин обращает внимание Вяземского на необходимость большей ясности, простоты в изложении («Более методы, ясности»); «Да говори просто: ты довольно умен для этого», указывает на необходимость пересмотра подлинника («Я не читал подлинника, пересмотри. . .»).

Не ограничиваясь замечаниями на полях статьи, Пушкин в конце дает еще и общее замечание о статье, которая представляется нам краткой, но законченной рецензией всей статьи: «Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное изображение. Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешь, что слог его нехорош, а я не вижу в нем и тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели, перевод есть оселок драматического писателя; посмотри же, что из него вышло во французской прозе».

А вот лаконические, меткие пушкинские оценки в его замечаниях на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова: «Весьма дурные стихи». «Вяло». «Прекрасно». «Вот

* «См. заметки Пушкина на полях: 1) Статьи кн. П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». (Пушкин, ГИХЛ. Соч., т. VI, стр. 447—454), 2) «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова (ibid, стр. 454—484); 3) Ст. М. П. Погодина «Об участии Годунова в убийстве царевича Дмитрия» (ibid, стр. 485—495); и 4) Письма кн. П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической русской истории» (ibid, стр. 495—496).

стихи прелестные, собственно Батюшкова — вся строфа прекрасна». «Лишний стих». «Неудачный оборот и дурные стихи». «Одна из лучших элегий Батюшкова» («Выздоровление» А. Г.). «Неудачное подражание Millevoüe». «Что за детские стихи!». «Какая дрянь», «Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно — все вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.».

В заметках на полях письма П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической русской истории» существенно финальное замечание Пушкина в отношении Полевого, особенно учитывая его рецензию на книгу Полевого по истории России: «О Полевом не худо было бы напомнить и пространнее... Не, должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, изысканий и безо всякой совести...».

Как пример использования элементов библиографического комментария можно привести несколько статей Пушкина.

Так, в статье «Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орлов» указываются номера журналов, где публиковались статьи Н. И. Надеждина и Н. И. Греча с разбором сочинений Булгарина и А. Орлова.

В статье «Вольтер», написанной в связи с выходом в Париже в 1836 г. переписки французского писателя с историком и философом де Броссом, в примечании к утверждению, что де Бросс «известен многими учеными сочинениями», Пушкин перечисляет названия нескольких его сочинений. В рецензии на сочинение М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» в примечании есть указание о характере издания «Московского Вестника» в 1830 г. В рецензии на поэму Ф. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», тоже в примечании указано, что содержание поэмы изложено в № 6 «Литературной Газеты».

Пушкин относился с глубоким вниманием и придавал серьезное значение разбору книг, рецензиям. Это видно из опубликованного в «Современнике» (кн. III за 1836 г.) его разбора рецензии Броневского на «Историю Пугачевского бунта» Пушкина.

Вначале Пушкин указывает, что он «почел за долг прочитать его (разбор Броневского.—А. Г.) со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика», но несколько далее, сказав об ошибке, трех важных опечатках со стороны рецензента, Пушкин заключает, что «Статья вообще..

показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном»⁵⁸.

Узнав, что Броневский является автором «Истории войска Донского», (т. е. исторической работы. — А. Г.), Пушкин перечитывает рецензию и считает нужным написать возражения.

В своей рецензии — разборе Броневского Пушкин дает объяснения к отдельным абзацам Броневского:

«Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента».

В объяснениях своих Пушкин указывает на некоторые моменты, которые говорят и о требованиях его к рецензии, рецензенту.

Например, Пушкин указывает, что «Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят». Или: «Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу, бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, такое небрежение и легкомыслие были бы непростительны...».

Во второй части своего разбора рецензии Броневского Пушкин обращается к нему, как историку, давая рецензию уже книге Броневского «История войска Донского», указывая «на некоторые вымыслы (к сожалению, не поэтические), на некоторые недосмотры и явные несообразности» и заключает ее выводом, что «он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги»⁵⁹.

К рецензии Пушкин обращается с начала своей деятельности. Еще в заметке, написанной в 1815 г. («Мои мысли о Шаховском»), относящейся к лицейскому периоду жизни Пушкина, мы находим элементы рецензирования.

Спустя десять лет в «Московском Телеграфе» (1825 г., № 12) была помещена первая журнальная статья Пушкина, его отповедь критику книги де Сталь «Десять лет изгнания», появившейся в 1820 году.

Здесь снова мы отмечаем не только библиографическую ссылку на периодическое издание, но и наличие элементов рецензии: краткую, но существенную и яркую по своей выразительности информационную оценку книги:

«...Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины...»⁶⁰.

Такая положительная оценка книги давалась с учетом

симпатии поэта к писательнице «резко противопоставившей себя Наполеоновской диктатуре и подвергшейся гонению со стороны Наполеона».

Кроме оценки книги де Сталь Пушкин, полемизируя с рецензентом этой книги А. М. Мухановым — адъютантом финляндского генерал-губернатора, дает к отдельным положениям его рецензии свои беглые оценочные замечания, а в конце статьи дает и общую оценку ей, как «журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной».

Эта статья Пушкина представляется мне неразвернутым конспектом критической статьи (сведения о писательнице, ссылки на ее произведения).

Таким образом, написанная Пушкиным в 1827 году первая рецензия*, предназначавшаяся для «Московского Вестника», не явилась внезапным обращением поэта к библиографии. Она является обобщением и развитием тех элементов рецензирования, которые имелись в заметке лицейского периода и в первой его журнальной статье.

Эта, сохранившаяся в рукописи, первая рецензия не окончена и, быть может, в силу этого обстоятельства в ней отсутствуют обычные в рецензиях сведения о рецензируемой книге (перед изложением текста). Нужно отметить, что эта рецензия явилась откликом поэта на библиографический обзор первенца московских альманахов («Северная Лира»). Уже в ней проявляется внимание Пушкина ко всему выходящему в свет и прежде всего в области художественной литературы и имеющему то или иное историко-литературное значение.

В 1830 году, в № 2 «Литературной Газеты», в отделе библиографии была помещена вторая по времени и первая напечатанная рецензия Пушкина на перевод «Илиады» Гомера — Гнедичем.

Тексту рецензии предпосланы сведения о книге, обычно сообщаемые рецензентом.

Эта рецензия связана с высказываниями поэта о значении перевода, которые можно найти в специальных стихотворениях и эпиграмме; в письмах к Гнедичу (1825 г.) «Это будет первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве»⁶¹, к Плетневу (1826) «Гнедич не умрет прежде совершення Илиады...»⁶² и вторично в письме к Гнедичу (1829) «Все благомыслящие люди чувствовали важность сего пере-

* На альманах «Северная Лира».

вода и ожидали оного с нетерпением»⁶³. Наконец, в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» поэт указывает, что наша словесность может выставить перед Европой, наравне с другими, и «перевод Илиады».

В том же году в письме к Гнедичу Пушкин сожалеет, что «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору Илиады вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России...»⁶⁴.

Пушкина не удовлетворяла краткая рецензия. Он считал перевод «Илиады» достойным обстоятельной рецензии, которая послужила бы для широкого ознакомления с книгой. Здесь нужно подчеркнуть одно из требований Пушкина к рецензенту — для глубины рецензирования нужно знать книгу на языке оригинала.

Установив особенности первых рецензий (ненапечатанной и напечатанной), отметим также особенности и других рецензий А. С. Пушкина.

В рецензии на книгу Ф. Н. Глинки «Карелия» примечательна краткая оценка творчества предшественников поэта (Ломоносова, Державина, Батюшкова и др.) и публикация нескольких пространных отрывков из книги. Последнее вызвано было, очевидно, тем, что в «Литературной Газете» было дано вкратце содержание поэмы Глинки.

Рецензия на альманах 1830 г. «Денница» сводится к оценке—обзору ряда положений Киреевского, давшего в альманахе статью «Обозрение русской словесности 1829 г.».

Пушкин дважды откликается на издание повести «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Первый отклик-оценку находим в письме к А. Ф. Воейкову (конец августа 1831 г.): «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. ...Поздравляю публику с истинно веселюю книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов...»⁶⁵.

На второе издание Пушкин написал, и в «Современнике» за 1836 год поместил рецензию, где, указывая отдельные недостатки и давая общую высокую оценку, отмечает дальнейший рост писателя.

В 1835 году Пушкин написал рецензию на «Три повести» Н. Ф. Павлова, вышедшие в том же году и получившие высокую оценку ряда журналов («Молва», «Московский Наблю-

датель», «Телескоп») и литераторов (Гоголь, Тютчев, Вяземский). «Три повести» имели значительный успех у читателей. Николай I запретил их перепечатку.

«Три повести» захватили Пушкина: «Я начал их читать и до тех пор не оставил пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием». (Из воспоминаний А. Керн)⁶⁶. Его не могла удовлетворить похвальная, но поверхностная статья Шевырева в «Московском Наблюдателе» и он пишет свою рецензию. В ней Пушкин указал на некоторые особенности повестей «Имянины», «Ятаган», на характер слога и описаний писателя а затем дал общую характеристику: «...г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь итти обедать»⁶⁷.

Пушкин указал в своей рецензии на те существенные особенности, которых нехватало в статье Шевырева и на что указал в своей статье, написанной в следующем, 1836 году, Белинский.

К числу рецензий мы относим статью «Вольтер», написанную во второй половине 1836 года по поводу выхода в Париже переписки Вольтера с историком де Броссом.

Эта обстоятельная рецензия снабжена библиографическим обозначением (на французском языке), дана суть темы переписки в историческом ее разрезе. Интересно отметить, что, в порядке библиографической ссылки, есть указания на сочинения де Бросса, вплоть до последних. Оценки отдельных писем с цитатами даны лаконично в тексте. Наконец, сообщаются неизвестные стихи Вольтера и дается краткая их оценка.

Некоторую детализацию в изложении истории переписки нужно, как нам кажется, отнести за счет большого интереса Пушкина к Вольтеру.

Сюда же относим и вторую статью, помещенную в «Литературной Газете», 1830 г., в №№ 4 и 12, «История русского народа» сочинение Николая Полевого, том 1-й». В этой статье, носящей характер рецензии (краткое библиографическое обозначение, разбор книги, суммарные оценки, вскрывающие недостатки автора книги и предисловия), Пушкин прорецензировал не только содержание тома, но и предисловие в связи с историческим трудом Карамзина.

Своеобразием этой единственной статьи-рецензии, оценивающей книгу по истории, является, кроме обычных метких

оценок, ее полемичность («История» Полевого была во многом полемична по отношению к предшественникам, в первую очередь к Карамзину») ⁶⁸ и информационная оценка, как первой строки посвящения («Г-ну Нибуру, первому историку нашего века»), так и предисловия.

«За посвящением следует предисловие, — писал Пушкин. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью о русской истории, напечатанную в «Московском Телеграфе» и разобранную с такой оригинальной веселостью в «Славянине».

Самой обширной рецензией Пушкина является его рецензия на французский перевод «Записок Джона Теннера», помещенная в «Современнике», т. III, за 1836 год.

Прежде чем дать краткое изложение содержания «Записок», подкрепляя их цитатами, Пушкин дает отвратительный облик Американских Штатов, ярко рисуя настоящее лицо буржуазной «демократии» и гневно обличает нравы американских рабовладельцев: «С изумленным увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к доволъству (comfort); болъшинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Вместе с тем поэт выясняет отношение Американских Штатов к индейским племенам: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» ⁶⁹.

Пушкин далее указывает, что читатели знакомы с нравами северо-американских индейцев... «по описанию знаменитых

романистов. Но Шатобриан и Купер... закрасили истину красками своего воображения».

В рецензии Пушкин дает лаконическую общую оценку: «Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях».

Примечательна концовка этой рецензии. В ней Пушкин сообщает современное положение автора записок, — в которых простодушные и бесстрастные показания свидетельствовали перед светом о средствах, применяемых Американскими Штатами в XIX веке для распространения своего владычества среди индийских племен, — автора, делающегося настоящим янки и ведущим тяжбу с мачехой о нескольких неграх, оставленных ему по наследству, и, к тому же весьма выгодно продавшему свои «Записки».

На 1836 год падают также и наиболее лаконические рецензии А. С. Пушкина. К ним относятся: рецензия на комедию М. Н. Загоскина «Недовольные», на «Записки Чухина» Ф. Булгарина. Это не только краткая рецензия, но и весьма остроумная, заключительная оценка этой последней попытки Булгарина написать роман. Она не расходится с оценкой В. Белинского.

Наконец, рецензия на записки дебютанта в литературе Н. А. Дуровой, о которых Пушкин написал заметку в «Современнике», а в письме к В. А. Дурову (27.III.1836 г.) сообщал: «Сей час прочел переписанные Записки: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен»⁷¹. Приводим эту рецензию, как образец краткости, простоты, ясности рецензируемого материала: «Кавалерист-девица, происшествие в России, в 2 ч. Издал Иван Бутовский. СПб. При подписке 1 ч. выдается, а на 2 билет». Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видели уже отрывки из этой книги. Они оценили без сомнения прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которой пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям»⁷¹.

Это образец не простого рецензирования, а оценка рецензента-художника, каким был А. С. Пушкин (см. также рецензии на «Записки Чухина», «Фракийские элегии» и др.).

Свое понимание научного значения библиографии Пушкин засвидетельствовал в рецензии на двухтомный «Ключ» к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. «... Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории...»⁷².

Эта рецензия может считаться тоже образцовой лаконичной рецензией с отчетливым обобщающим выводом — оценкой всего библиографического труда Г. Строева.

* * *

Пушкин был рецензентом-художником. Поэтому элементы сжатой до предельности, но яркой в своем художественном описании оценки на произведения ряда художников слова, мы находим также во многих поэтических произведениях Пушкина.

Так, в первом произведении «К другу-стихотворцу» (1814) есть оценка «Телемахида»:

.. Под сенью мирною Минервиной эгиды
Сокрыт другой отец второй «Телемахида».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива..

В эпиграмме, написанной осенью того же года «Арист нам обещал трагедию такую» Пушкин дал такую оценку плохого драматурга:

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну пиесу...

В «Городке» (1815 г.), перечисляя любимых писателей, Пушкин во главе их поставил Вольтера, давая ему такую лаконическую оценку:

Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,

Издетства стал пить;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
... Скажу ль? ... Отец Кандида —
Он все; вездс велик
Единственный старик!

В дальнейшем изложении Пушкин, перемешивая свои коротенькие характеристики — оценки русских писателей с французскими дает оценку баснописца Лафонтена:

И ты, певец любезный,
Поэней прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!

Выпукло-художественной является и оценка сатир князя Д. П. Горчакова:

О, князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой кодкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знание света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву́ остроту...

* * *

Наряду с несколькими еще оценками других поэтов (Батюшкова, Крылова) в конце произведения есть оценочный отклик на порнографические оды Баркова (имя его идет под характерной кличкой «Свистова»):

А я сию смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал.
Ах! видно бсг пытал
Тогда мое терпенье!..

Оценочный элемент «Телемахиды» Тредьяковского мы снова находим в первом программном выступлении Пушкина, связанном с Арзамасом, в стихотворении 1816 г. «К Жуковскому»:

Пред ним растерзанный стонет Тилимах;
Железное перо скрипит в его перстах,
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивый музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!

* * *

В поэме «Граф Нулин» есть оценка сентиментального романа:

Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей —
Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей...

С интересующими нас элементами рецензирования мы встречаемся и в «Евгений Онегине».

Так, в главе III есть оценка романа Ричардсона «Грандисон»:

И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон...

А вот оценка Байрона-романтика в той же главе:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романсизм
И безнадежный эгоизм...

В V главе романа Пушкин бросает такую краткую, но глубоко правдивую, образную оценку произведения Вяземского «Первый снег»:

Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег:
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисую в пламенных стихах
Прогулки тайные в саях. . .

Наконец, стихи из VII главы «Евгения Онегина», в качестве оценки произведения французского писателя Бенжамена Констан «Адольф», Пушкин приводит в своей заметке характера рецензии о переводе этого романа в «Литературной Газете» в 1830 г., в № 1: «Адольф» принадлежит к числу двух или трех романов,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Бенжамен Констан первый вывел на сцену сей характер. . .»

* * *

Пушкин был художником-рецензентом, библиографические работы которого лишены формалистского академизма, проникнуты целеустремленной тематичностью, они развивали и популяризировали библиографические идеи лучших библиографов того времени и отражали в себе конкретные элементы литературной борьбы своего времени.

Шестнадцатилетний Пушкин в одном из своих наиболее ранних стихотворных произведений дал новую и интересную для своего времени форму библиографических материалов — обозрение в стихах («Городок»). Так, рано зародившийся библиографический интерес Пушкин пронес через всю свою творческую жизнь, воплощая его в разные виды библиографической работы, сочетая эту работу с растущим и крепну-

щим талантом в области художественной литературы и других сфер, где так ярко и убедительно проявится пушкинский гений. Библиографическая деятельность Пушкина свидетельствует о его большой работоспособности, полезной инициативности, исключительной добросовестности. Она является еще одним доказательством того, что настоящей любовью к народу, к передовой литературе и ее творцам, верой в творческие возможности молодых дарований были пронизаны не только его художественные произведения, письма, статьи, но и заметки, рецензии, составляющие небольшое, но достойное памяти великого поэта наследие в области русской библиографии.

Пушкин не только был деятельным сторонником сообщения читателям известий о новых книгах, но сам аннотировал и рецензировал их, учитывая, как и во всей своей журнальной работе, необходимость борьбы с реакционным триумvirатом, с его засилием в литературе, критике и общественно-литературной жизни.

Пушкин не только продолжил развитие рекомендательной библиографии, начало которой было положено в XVIII веке, но и сочетал свои рекомендательные приемы с элементами критической библиографии, установил прием рекомендации—«звездочки» (в отд. «Новые Книги» журнала «Современник»). Свои рекомендательные задачи Пушкин осуществлял не только в рецензиях и заметках, но иногда даже в сносках, примечаниях* и в некоторых редакционных предисловиях и послесловиях**.

Признавая значение учетной регистрации книжной продукции, упрачивая и развивая в своих библиографических материалах элементы критической и рекомендательной библиографии, Пушкин своим обобщающим критико-политическим суммированием и оценкой книжной продукции стал новатором в развитии русской библиографии, прежде всего, журнальной.

Вводя в «Современник» текущую библиографическую регистрацию, Пушкин не ограничивал задачи библиографического отдела своего журнала перечнем и рассмотрением только «ученых книг» и «сухими библиографическими известиями», а вносил в свои «реестры» книги по многим отрас-

* Рецензия на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, на «Калерию» Ф. Глинки и др.

** См. «Записки Н. Дуровой», «Примечание к повести Гоголя «Нос» и др.

лям знания. Инициатива Пушкина в организации библиографического отдела и руководства им в «Современнике», его забота об издании «Ключа» П. Строева к «Истории» Карамзина, положительная рецензия на этот значительный библиографический труд, понимание того, что столь обширный вспомогательный указатель не является простой механической работой, использование библиотечных и архивных материалов, а также библиографических списков литературы, личное ведение записи книжной литературы в работе над историческими темами (работа в библиотеке Вольтера, в архивах, список Корфа о литературе Петровской эпохи), интерес к изданию в России первого Энциклопедического Словаря и составление им самим вспомогательного указателя к Истории Пугачева — все это выявляет прочность и серьезность библиографических интересов Пушкина, его глубокое понимание и признание научного значения библиографии и ее воспитательной роли в общественной жизни.

Существенным видом библиографической работы Пушкина была рецензия. Пушкин уделял основное внимание содержанию рецензируемого произведения. Его рецензии свидетельствуют, что он вполне знаком с современными ему приемами библиографического описания печатных изданий. Невпримечательно многим своим современникам, он пользуется цитированием тех источников, откуда брал необходимые ему материалы.

По справедливой оценке современников (напр., И. Киреевского) Пушкин был художником и в своей рецензентской яркой деятельности. Он придал библиографии прогрессивный, общественно-политический характер.

В этом смысле пушкинские начинания в журнальной библиографии не умирают в последующем развитии прогрессивной библиографии. Об этом свидетельствует состояние библиографического отдела «Современника» в период В. Белинского (1847—1848), Н. Чернышевского и Н. Добролюбова (с середины 50-х гг. до 1861 г.).

В этом плане можно считать библиографический отдел «Современника» предшествующим этапом в формировании библиографии революционных демократов, а библиографическую деятельность Пушкина вообще — преддверием и первыми значительными шагами русской библиографии, проявившей себя впоследствии в печатных органах великих крити-

ков-демократов (В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин).

Преждевременная гибель поэта не дала возможности реализовать его планы библиографической деятельности, но все же то, что он сделал было для своего времени значительным, а для отечественной библиографии вполне достаточным, чтобы имя Пушкина прочно вошло в историю русской библиографии.

Многогранная одаренность А. С. Пушкина, поэтический гений его проявился во многих областях величественного здания русской культуры: в литературе, критике, исторической науке, издательском деле, в журналистике и в отечественной библиографии.

Здесь Пушкин не только продолжил и узаконил своим трудом лучшие идеи и методы, выдвинутые и обоснованные видными деятелями библиографии своего времени, но развил их, внес свое новое, оригинальное и тем самым способствовал развитию русской библиографии XIX века.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ

1. К. Маркс, Ф. Энгельс — Об искусстве, стр. 325, 1937.
2. В. Г. Белинский — Собрание сочинений в трех томах, ОГИЗ, т. I, стр. 268, 1948 (в дальнейшем ссылки на это издание делаются кратко: Белинский, т... стр...).
3. Пушкин — Полное собрание сочинений. Переписка, т. 16, Изд. Ак. наук СССР, стр. 226, 1949 (в дальнейшем ссылки на это издание делаются кратко: Пушкин, Переписка, т... стр...)
4. А. Дружинин — «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений», «Отечеств. Записки», т. 130, отд. III—IV, стр. 73, 1853.
5. В. Сопиков — «Опыт российской библиографии». Предупреждение, стр. V, 1813.
6. П. Анненков — «Материалы о Пушкине», стр. 160, 1873.
7. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 74, 1948.
8. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 52, 1949.
9. Пушкин — Переписка, т. 13, стр. 178, 1937.
10. Пушкин — Переписка, т. 13, стр. 261, 1937.
11. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 143, 1941.
12. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 26, 1948.
13. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 48, 1949.
14. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 220, 1941.

15. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 254, 1941.
16. А. И. Дельвиг — «Мои воспоминания», т. 1, стр. 99, 1913
17. В. Евгеньев-Максимов — «Современник» в 40—50 гг. («Современник» Пушкина, Д. Максимов, стр. 373). 1934.
18. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 69—70, 1949.
19. А. Никитенко — Записки и Дневник, т. 1, стр. 271, изд. 2, 1904.
20. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 113, 1949.
21. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 121, 1949.
22. Белинский — Соч., т. 1, стр. 279, 1948.
23. Пушкин — Полное собрание сочинений в шести томах, ОГИЗ. Изд. пятое, т. 6, кн. 1, стр. 449, 1948. (В дальнейшем ссылки на это издание делаются кратко: Пушкин, Соч., изд..., т..., 19... г.)
24. А. Никитенко — Записки и Дневник, т. 1, стр. 273, изд. 2-е 1904.
25. Белинский — Соч., т. 1, стр. 282, 1948.
26. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 161, 1941.
27. Белинский — Соч., т. III, стр. 682, 1948.
28. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 231—232, 1931.
29. «Современник» — 1836, т. 1, стр. 319.
30. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 65, 1934.
31. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 220—221, 1941.
32. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 9, 1948.
33. Белинский — Соч., т. 1, стр. 281, 1948.
34. «Современник» — 1836, т. 1, стр. 296—319.
35. «Современник» — 1836, т. III.
36. «Современник» — 1836, т. 1, стр. 319.
37. Пушкин — Соч., изд. четвертое, т. 1, стр. 60, 1936.
38. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 284, 1941.
39. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 14, 1948.
40. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 124, 1948.
41. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 168, 1949.
42. «Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах». См. «Материалы для истории русской книжной торговли» СПб, стр. 67—68, 1879.
43. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 178, 1949.
44. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 116, 1948.
45. Пушкин — Соч., изд. пятое, т. 6, кн. 1, стр. 416, 1948.
46. Сакулин — Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский, т. 1, ч. 2, стр. 414—415. Прим. 2, 1913.
47. Н. Барсуков — Жизнь и труды П. М. Строева, СПб, стр. 298, 300, 1878.
48. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 74, 1941.
49. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 225, 1934.
50. Н. Здобнов — История русской библиографии, т. 1, стр. 49, 1944.
51. Пушкин — Критик, сб., стр. XLI, 1934.
52. Пушкин — Критик, сб., стр. 181, 1934.

53. Пушкин — Переписка, т. 2, изд. Акад. Наук, стр. 309, 1908.
 54. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 128, 1941.
 55. Пушкин — Переписка, т. 15, стр. 9, 1948.
 56. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 67—68, 1934.
 57. Пушкин — Соч., изд. пятое, т. 6, кн. 1, стр. 453, 1948.
 58. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 456, 1934.
 59. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 471, 475, 1934.
 60. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 12, 1934.
 61. Пушкин — Переписка, т. 13, стр. 145, 1937.
 62. Пушкин — Переписка, т. 13, стр. 264, 1937.
 63. Пушкин — Переписка, т. 2, изд. Акад. Наук, стр. 152, 1908.
 64. Пушкин — Переписка, т. 14, стр. 56, 1941.
 65. Пушкин — Переписка, т. 2, изд. Акад. Наук, стр. 309, 1908.
 66. А. П. Керн — Воспоминания, стр. 346, 1929.
 67. Пушкин — Соч., изд. второе, т. 5, стр. 275, 1934.
 68. Пушкин — Сочинения, 1936, стр. 912 (примечание).
 69. Пушкин — Соч., второе изд., т. 5, стр. 186—187, 1934.
 70. Пушкин — Переписка, т. 16, стр. 99, 1949.
 71. Пушкин — Соч., второе изд., т. 5, стр. 225, 1934.
 72. Пушкин — Соч., второе изд., т. 5, стр. 225—226, 1934.
-

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.